

А.И. КОСТИН, В.С. ИЗOTOV*

**ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ МНОГОМЕРНОГО КРИЗИСА:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТОВ,
КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ, УСЛОВИЯ УСПЕХА**

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые тенденции современности в области политики, экономики и идеологии с точки зрения стратегии устойчивого развития. Авторы анализируют такие феномены, как разработка концептуальных моделей посткапитализма и постдемократии, упадок среднего класса, закат либеральной демократии, кризис идеологий и восход обновленной псевдоидеологии – популизма. Один из центральных выводов работы состоит в том, что классическая модель устойчивого развития, предложенная ООН 30 лет назад, и включающая экологию, экономику и социальную сферу, уже не способна охватить всю сложность происходящего. В нее необходимо включить как минимум два компонента – политику и идеологию. В этом случае можно говорить о формировании многомерной и благоприятной среды для движения к целям устойчивого развития. Иначе реализация любых глобальных стратегий (в том числе, устойчивого развития) в социально фрагментированных, деидеологизированных, охваченных кризисом общественных системах представляется нереалистичной. В контексте проблематики устойчивого развития переосмысливается кризис гло-

* **Костин Анатолий Иванович**, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ankost_@mail.ru; **Изотов Владимир Сергеевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: geogenesis@yandex.com

Anatoly I. Kostin, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Chair of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: ankost_@mail.ru; **Vladimir S. Izotov**, Cand. Sci (Pol. Sci.), Associate professor, Chair of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: geogenesis@yandex.com

бального управления, а также феномен интеграционных систем, настойчиво заявляющих о себе в пространстве политической власти. С точки зрения научной методологии отмечается необходимость дальнейшего сближения между гуманитарными дисциплинами, изучающими устойчивое развитие.

Ключевые слова: глобализация; глобалистика; глобальное управление; глобальный кризис; демократия; ЕАЭС; идеология; интеграция; интеграционные системы; международные отношения; мировая политика; наднациональность; неравенство; ООН; постдемократия; посткапитализм; популизм; устойчивое развитие; экология; экополитика.

A.I. Kostin, V.S. Izotov

The prospects of sustainable development in a multi-dimensional crisis: Redefining concepts, key factors and conditions for success

Abstract. The article examines key trends of the nowadays politics, economics and ideology from the point of view of the strategy of sustainable development. The authors analyze such phenomenon as the development of conceptual models of Post-capitalism, the decline of the middle class and liberal democracy, the crisis of ideologies and the rise of pseudo-ideology – populism. One of the central conclusions of the article is that the classical model of sustainable development proposed by the UN 30 years ago, including ecology, economics and social sphere, is no longer able to cover the whole complexity of what is happening. It should include at least two components – politics and ideology. In this case, we can talk about the formation of a multidimensional and favorable environment for moving towards the goals of sustainable development. Otherwise, the implementation of any global strategies (including the sustainable development) in socially fragmented, de-ideologised, crisis-ridden social systems seems unrealistic. In the context of sustainable development, the crisis of global governance, as well as the phenomenon of the integration systems that can assert themselves in the global space of political power, is rethought. From the point of view of science methodology, there is a need for further convergence between humanitarian disciplines studying sustainable development.

Keywords: globalization; global studies; global governance; global crisis; democracy; eco-politics; EEU; ideology; inequality; integration; integration systems; international relations; supranationality; United Nations (UN); populism; post-democracy; sustainable development; world politics.

Устойчивое развитие в мире глубокого неравенства: Модернизация понятия и расширение концептуальных границ

Концепция устойчивого развития пришла в академическую науку и научно-популярные дискуссии из институциональных рамок ООН. В 1984 г. по инициативе Генерального секретаря Хавьера

Переса де Куэльяра была создана Международная комиссия по окружающей среде и развитию. Комиссию возглавила Гру Харлем Брундтланд, бывшая премьер-министром Норвегии в период 1981–1996 гг. Ее заместителем стал доктор Мансур Халид, бывший министр иностранных дел Судана. Широкий общественный резонанс получил доклад комиссии «Наше общее будущее», опубликованный в 1987 г. Центральную роль в нем заняло понятие устойчивого развития, определяемое как «удовлетворение потребностей нынешнего времени, не подвергая угрозе возможность последующих поколений делать то же самое». Для сравнения заметим, что утвержденная в 1996 г. «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» формулирует его как «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы» [Указ Президента Российской Федерации... 1996]. Некоторые исследователи насчитывают свыше 70 различных употреблений термина «устойчивое развитие», частично связанных с разнородными восприятиями и позициями [Бехманн, 2003; Lafferty, 1996; Backstrand, Kronsell, Soderholm, 1996]. В целом же понятие «устойчивое развитие» (sustainable development), рассматривающее в едином комплексе проблемы развития и охраны окружающей среды, было введено в международный оборот в конце 1980-х годов. Главными особенностями доклада комиссии Г.Х. Брундтланд стал, во-первых, его глобальный характер, обращенность ко всему мировому сообществу, во-вторых, его открытый и динамичный характер, предполагающий всепланетарное участие в реализации поставленных целей на основе концепций большого круга исследователей.

Таким образом, в мировом масштабе и в рамках отдельных государств была поставлена цель гармоничного антропогенного развития цивилизации, не противоречащая ее дальнейшему существованию. С философской точки зрения на глобальную повестку был вынесен фундаментальный вопрос, от ответа на который зависит судьба будущих поколений. Как заметил в свое время социальный философ Роберт Гудин, «суть этой проблемы в том, что мы можем приносить пользу или вред будущим поколениям, а они не могут ни помогать, ни вредить нам. Это превращает проблему из логической в этическую» [цит. по: Пятигорский, 2004, с. 416].

Первоначально концепция предполагала мультипликационные эффекты, возникающие при взаимосвязи трех сфер – экологической, экономической и социальной. Позже стало очевидно, что

устойчивое развитие невозможно без соответствующей мирополитической среды, гарантирующей прогресс в указанных сферах. Этот факт был признан на Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 2012 г. Как известно, тогда руководство организации и лидеры стран были вынуждены констатировать, что законодательное оформление устойчивого развития невозможно при современном состоянии международных отношений.

В условиях, когда мировая система вышла далеко за «пределы роста», определенные известными докладами Римского клуба, первоочередной задачей становится сохранение ее целостности и минимальной устойчивости. Несмотря на то что со строго научной точки зрения понятие «устойчивое развитие» сохраняет значительный дискуссионный потенциал, существует консенсус по поводу его безальтернативности. В этом смысле такая характеристика устойчивого развития уникальна и детерминативна по отношению, например, к сохраняющим многовариантность политэкономическим сценарным моделям будущего. При этом возникает необходимость дополнения концептуального поля «устойчивого развития» новыми понятиями. С исследовательской точки зрения это невозможно без анализа основных феноменов нашего времени, прежде всего, в политике и экономике.

Первым из таких феноменов является кризис современной модели экономики и активный процесс интеллектуального конструирования посткапитализма как новой реальности. Второй – может быть описан как постепенное исчезновение классической либеральной демократии с современной карты политических процессов. В историческом масштабе можно констатировать завершение определенного этапа глобализации и поражение группы универсалистских либеральных мировоззрений. На смену им приходит глобальный популизм, мимикрирующий под различные типы псевдоидеологий. Следствием этого становится потеря логики идеологических ориентиров на будущее жителями развитых капиталистических стран Запада. Важная ремарка в контексте взаимосвязанных проблем устойчивого развития и глобального управления состоит в том, что при всем несовершенстве общедемократических компонентов либерализма именно эти идеологии обеспечивали легитимность протойнститутам глобального политического управления – Лиге Наций и ООН.

Два фундаментальных процесса, условно обозначенные как «неизбежность посткапитализма» и «поиски моделей постдемо-

кратии», по нашему мнению, станут (наряду с глобальной экологической проблематикой) судьбоносными для перспектив устойчивого развития в целом. Свою значимость сохранит и дальнейшее развитие интеграционных процессов, независимо от динамики необратимо изменяющегося конкурентного поля национальных и межгосударственных систем. Интеграция по-прежнему сопровождается регионализацией – амбивалентным процессом, который при наборе определенной критической массы может разделить мир на поля экономических битв между интеграционными системами. Авторы статьи рассматривают интеграцию и регионализацию как взаимодополняемые процессы планетарной динамики. Отметим при этом, что характерный для последнего времени рост геополитического напряжения оказывает негативное влияние, прежде всего на интеграционные процессы. Вместо возможностей интеграции лидеры некоторых стран все чаще используют торговые войны и протекционизм, задействуют рычаги идеологического национализма и государственную пропаганду. Наблюдается ренессанс дезинтегрирующих геополитических теорий – призраков прошлого века, в ряде случаев усиленных «официальным» ревизионизмом истории и милитаризацией общественного сознания.

Наконец, очевидна взаимосвязь устойчивого развития с концепциями глобального управления или, согласно альтернативным формулировкам, международного регулирования важнейших сфер жизнедеятельности цивилизации. В оценках перспектив глобального управления в последние десятилетия преобладает устойчивая кризисная тональность. Макросоциолог Иммануил Валлерстайн заметил: «Действительность такова, что мы живем в мире глубокого неравенства... Следовательно, мы должны желать “устойчивого развития” для всех. Если эти требования создают для нас сегодня проблемы, – это происходит не потому, что выдвигаются требования, а потому, что ослабевают репрессивные механизмы миросистемы. Великий всемирный беспорядок, в который мы вступили, вызван не борьбой угнетенных, но кризисом структур, которые их угнетают» [Валлерстайн, 2003, с. 164].

Таким образом, концепцию глобального управления необходимо переосмысливать с учетом обозначенных тенденций. Авторы предпринимая такую попытку, осознавая при этом масштабность задачи и ее открытость для дискуссий и поправок. Тем не менее представляется, что такая исследовательская позиция фактически

безальтернативна. Без реализации концепции устойчивого развития, дополненной новыми экономическими, политическими и идеологическими измерениями, под вопросом оказывается сохранение цивилизации. В условиях сверхдинамики современного мира, многогранность которого сложно однозначно охарактеризовать в терминах политики или экономики, такой подход становится историческим императивом.

Эпоха вечного кризиса: Бедные дети восставших родителей

Планетарная динамика последнего десятилетия – сложнейший процесс, на который влияет совокупность политических и экономических факторов. Его интенсивность, качество и возможные последствия находятся в центре внимания гуманитарных наук. В исследовательском поле макроэкономики, глобалистики, мировой политики и международных отношений рождаются и умирают (опровергаемые «быстротекущей современностью») новые парадигмы, теории и прогнозы. Квинтэссенция взглядов представителей экономической науки и сопредельной с ней обширной области политической экономии сформулирована достаточно четко. Экономический кризис, начавшийся в 2008 г., создал идеологический прецедент всемирного масштаба, сформировав осознание «вечной кризисной современности» – принципиальную неустрашимость турбулентности и нестабильности из глобального политического и экономического пространства. Перманентный кризис на наших глазах становится сферой человеческого опыта, воспринимаемого посредством глобально-политической рефлексии. Майкл Спенс, нобелевский лауреат по экономике, формулирует это в виде простого вопроса: «Не станет ли волатильность, которую мы наблюдали во время последнего финансово-экономического кризиса, нормальным явлением в частично управляемом... мире, создавая самые негативные последствия для глобальной экономики в целом и для наиболее уязвимых людей и экономик, в частности» [Спенс, 2013, с. 162]. Ответ, вероятно, будет утвердительным. Эксперты предупреждают, что в отсутствие альтернативной экономической модели складываются условия для нового кризиса. Реальные зарплаты в ведущих экономиках мира не растут, теневая банковская

система уже превзошла масштабы 2008 г., сегодня совокупный долг банков, компаний и домохозяйств почти в три раза превышает мировой ВВП, а правительственные долги находятся на самом высоком уровне за всю послевоенную эпоху [Мейсон, 2016, с. 26].

Категория «вечного кризиса» вошла в область общественного сознания достаточно быстро, в период 2008–2012 гг. В первые годы рецессии в высокой политической риторике еще встречались императивные утверждения о временных трудностях и неизбежном наступлении лучшего будущего. Однако население утратило восприимчивость к ним после очевидного сокращения социальных обязательств абсолютного большинства государств, увеличения экономических разрывов между полярными социальными стратами, сокращения рабочих мест, стагнации заработной платы. Однако ключевой тенденцией стал экономический упадок среднего класса – социальной плазмы, обеспечивающей политическую стабильность. Компания McKinsey & Company в 2016 г. в ходе анализа глобального неравенства и распределения доходов зафиксировала важную тенденцию [Dobbs, Madgavkar, Manuyka, Woetzel, Vughin, Labaye, Kashyap, 2016]. В большинстве стран «первого» и «второго» мира за последние 70 лет доходы среднего класса устойчиво росли, коррелируя с развитием экономики и ростом занятости. Однако в последние годы эта тенденция сначала замедлилась, а затем пошла в обратном направлении. Более точные исследования показали, что в с 2005 по 2014 г., реальный доход 70% домохозяйств государств «первого мира» как минимум был заморожен, а в большинстве случаев снижался. Аналитики McKinsey & Company описывают происходящее как сенсационную тенденцию, при которой дети из стран «первого мира», скорее всего, будут беднее своих родителей. Политологи рассматривают проблему в более широком контексте, связывая упадок среднего класса с кризисом современной модели либеральной демократии [Fukuyama, 2012, p. 53–61].

Другой важнейшей фоновой характеристикой планетарных процессов становится триумф социально-экономического неравенства. При этом общее (статистическое) сокращение числа беднейших людей не должно вводить исследователей в заблуждение. Действительно, по данным Всемирного банка, численность таких людей неуклонно снижается. Показатели международной черты бедности установлены Всемирным банком на уровне в 1,90 долл. США в день.

В 2008 г. их число составляло 17,82% от всего населения Земли, в 2015 г. – 9,6% [см.: Poverty headcount...]¹. Однако большинство независимых экономистов не разделяют оптимизма Всемирного банка. Во-первых, положительная статистика обеспечивается, прежде всего, за счет сокращения крайней бедности в Китае. Во-вторых, население бедных стран растет примерно в 4 раза быстрее, чем население богатых государств, что все больше «омолаживает» бедность, сохраняя за этими группами резервный статус рекрутов для криминальных и террористических структур. В-третьих, формальное сокращение бедности происходит на фоне рекордного за всю экономическую историю человечества уровня концентрации капитала. Есть основания полагать, что эта тенденция во многом обесценивает достижения мировых институтов в борьбе с абсолютной бедностью. Согласно данным международной гуманитарной организации Oxfam International в современном мире семь из десяти человек живут в странах, где разрыв между богатыми и бедными постоянно увеличивается. При этом в 1988–2011 гг. доходы беднейших 10% населения увеличивались менее чем на \$3 в год, тогда как доходы 1% сверхбогатых людей выросли за этот период в 182 раза [It's time to... 2016]. С точки зрения концепции устойчивого развития важным представляется тот факт, что, по мнению специалистов Всемирного банка, достижение исторической цели – ликвидации бедности к 2030 г. – пока представляется крайне маловероятным. Прогнозы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) также пессимистичны. В ближайшие полвека мировую экономику ожидает стагнация при одновременном 40%-ном росте неравенства в богатых странах мира [Blyth, 2016, p. 179].

Нарастающее неравенство на фоне беспрецедентной концентрации капитала стало темой исследований ведущих экономистов, опубликовавших за последние годы ряд научно-популярных работ, привлечших общественное внимание, прежде всего, в развитых странах [Stiglitz, 2012; Freeland, 2012]. Если экономисты оперируют цифрами и статистикой, то политологи, описывая мирополитическую динамику и ее перспективы, больше подвержены эмоциям. Известный ученый Петр Дуткевич описывает глобальную современность в апокалипсических тонах. Он отмечает всеобщее чувство

¹ Отметим, что уровень бедности в РФ остается выше мирового показателя. По прогнозам Министерства экономического развития, в 2016–2017 гг. он составит 13,9%.

наступающего хаоса и становление «принципиально другого мира», в котором нормы международного права перестают определять межгосударственные отношения; меняются отношения внутри и между государствами, создаются новые блоки. Экстраполируя эти тенденции на сферу внутренней политики, Дуткевич продолжает: «Правительства национальных государств сталкиваются с проблемой управления. Функции государства реализуются все с большим трудом: сбор налогов, поддержание социального баланса, интеграция мигрантов, диалог с гражданским обществом и средним классом – задачи остались те же, но прежние способы их достижения больше не работают» [Дуткевич, Казаринова, 2017].

Неудивительно, что отмеченные выше макроэкономические тренды нашли протестный выход в социальные и политические сферы. Ощущение вечного кризиса, закат среднего класса и производный от него рост недоверия к правящим классам стали катализатором достаточно разнородных и противоречивых процессов, имеющих тем не менее единый антиэлитный вектор. Перестройки инструментальной природы политического мышления людей, в смысле пассивной адаптации к реальности, не произошло. Не исключено, что мы становимся свидетелями начала долгосрочной антагонистической битвы беднеющего среднего класса и теряющих доверие элит. Ряд ученых описывают происходящее как «глобальное восстание против элит». Марк Блиф, профессор политической экономики в Университете Брауна (США), в обобщающей рецензии на ряд последних книг, констатирующих кризис современной модели «демократического капитализма», придерживается экономически детерминационных подходов к политическим процессам. Антиэлитная революция в условиях вечного кризиса происходит, прежде всего, в «первом мире» и выражается в трех знаковых политических событиях последнего времени. Речь идет о победе Дональда Трампа на президентских выборах, выходе Великобритании из ЕС и феноменальном росте популизма (к анализу этого феномена мы обратимся ниже) по обе стороны Атлантики. Блиф обобщенно называет эти явления «глобальным трамплизмом» и отмечает, что общественное мнение все больше склоняется к апологетике, провозглашающей конец неолиберализма и начало эры неонационализма [Blyth, 2016].

Посткапитализм и постдемократия – поиски универсальных парадигм для лучшего будущего

Сегодня в политэкономических дискуссиях прочно закрепились констатация глубокого конфликта между капитализмом и демократией в их современных формах. Причем обе универсалии находятся во «взаимообогащающем кризисе», угрожающем подорвать перспективы устойчивого развития международной системы. Важной линией современных исследований стало осмысление впечатляющей дихотомии между распространением либерального конституционализма и демократизацией новых политических пространств, ставшей причиной появления «нелиберальных демократий» [Zakaria, 1997]. Реакцией на сложившуюся ситуацию стал поиск обновленных универсальных парадигм. Все больше современных исследователей связывают перспективы более гармоничной модели общественно-экономического мироустройства с концепциями посткапитализма. В частности, британский политический журналист Пол Мейсон в недавней работе «Посткапитализм» актуализирует в этом контексте 50-летние циклы (волны) подъема и упадка, описанные выдающимся русским экономистом Николаем Кондратьевым в 1930-е годы [Мейсон, 2016]. Заметим, что к волнам Кондратьева с целью описания негативной экономической динамики, ведущей к «концу капитализма», неоднократно обращался и Иммануил Валлерстайн [Wallerstein, 2008]. Общая закономерность состоит в том, что на дне этих циклов старые технологии и бизнес-модели перестают функционировать. Инерционные попытки их реанимации приводят только к поражению экономик, достигающих нового дна. Мейсон убедительно доказывает, что подобные процессы происходят и сегодня. Он обращает внимание на очевидные, но во многом императивные факторы, характерные для текущего длинного цикла Кондратьева, начавшегося в конце 1970-х годов и не имевшие прецедентов в экономической истории. Прежде всего, это поражение организованного труда как экономической категории, взрывной рост коммуникационных технологий и «открытие того факта, что финансовые сверхдержавы могут длительное время создавать деньги из ничего, вопреки законам классического капитализма» [Перес, 2011].

Финальную фазу существования современного нам неолиберального капитализма¹ принято отсчитывать с 1973–1979 гг. Специалисты посчитали, что за это время мир прошел через шесть рецессий, которые отсутствовали в мировой экономической динамике с 1945 по 1973 г. В подобных исследованиях используется классическое определение рецессии от МВФ: полгода, в течение которого мировая экономика растет меньше, чем на 3% [Korotayev, Tsirel, 2010]. Основная идея Мейсона состоит в том, что капитализм в его современном виде утратил адаптационные способности к глобальной экономической системе и в ходе исторического прогресса будет неизбежно замещен новой формацией. В качестве таковой он видит посткапитализм² – сетевое сообщество образованных людей, преодолевших социальную атомизацию, сознательно сконструированную неолибералами в 1970-х годах. Посткапитализм, по мнению Мейсона, способен объединить индивидов и группы с высоким уровнем взаимосвязи и обеспечить социальную справедливость, формы и методы которой станут предметом обсуждений [Мейсон, 2016, с. 208].

Концепция Мейсона, выстроенная на блестящем экономическом анализе, насколько привлекательна идеологически, настолько же уязвима с точки зрения политических теорий. Достаточно очевидно, что глобальная среда для функционирования посткапитализма должна быть обеспечена наднациональными решениями демократических правительств, что в ближайшей перспективе не является реалистичным. Другими словами, политические процессы и принимаемые решения по-прежнему остаются определяющими по отношению к динамике экономических формаций. Нарастающая геополитическая напряженность по всему спектру международных отношений также способна вывести подобные теории в область утопии. Заметим, что Мейсон – не единственный пионер теоретического посткапитализма. За последние десятилетия такие признанные экономисты, как Питер Дрюкер, Джереми Рифкин, Могран Келли, Йохай Бенклер обосновывали перспективы экономических систем, построенных на новых технологиях и сетевых социальных интеракциях.

¹ Неолиберализм в современной литературе иногда употребляется в качестве синонима капитализма, но чаще (что более точно онтологически) как его философско-идеологическая надстройка.

² С полным основанием концепции Мейсона можно назвать и «информационным неосоциализмом», хотя автор почему-то сознательно избегает этого термина.

Для ученых, работающих в парадигмах глобалистики и мировой политики, появление подобных теорий примечательно тем, что в них констатируется существующий кризис, обреченность «старого неолиберализма» и предпринимаются попытки вывода мировой экономики за пределы его влияния. Логика финализма современной формации прослеживается и в том, что системные изменения в США (победа Д. Трампа, «хаос в Белом доме», раскол общества и элит), наглядно свидетельствуют о нарастающей асимфоничности глобализации в ее современном исполнении мировым политическим оркестром.

Сопутствующий этим процессам «кризис демократии» также генерирует появление теорий, в названии которых префикс «пост-» становится обязательным. Если считать точкой отсчета дискуссий на эту тему хрестоматийный доклад «Кризис демократии» для Трехсторонней комиссии в 1975 г., [Crisis of democracy... 1975], становится понятно, что середина 1970-х стала определяющим временем для политэкономической истории XX века. Именно тогда диагностируется начало долгосрочной понижающей волны, вобравшей в себя не только экономику, но и политику. Кризис 2008 г. и современное состояние мировой экономики стали ее закономерными производными. Взгляд через оптику западнцентричных идеологических парадигм показывает, что в течение четырех десятилетий после Второй мировой войны правила игры устанавливала классическая либеральная демократия. Происходило «укрощение рынков», их ограничение с одновременным расширением социального обеспечения. Одновременно создавалось защищающее средний класс трудовое законодательство. Но в 1970-х годах капитализм начал ускользать от регулирования, отодвигая национальные границы государств [Blyth, 2016, p. 172]. В результате правила игры для отдельных стран и системы в целом стали устанавливать ТНК, финансовые корпорации, венчурные инвесторы и волатильные по своей природе рынки капитала. Попытки написать «мировую политическую конституцию» предпринимались именно этими, изначально внеполитическими акторами. В этой связи обратим внимание на работу британского социолога Колина Крауча с симптоматичным названием «Постдемократия».

Крауч, как и Мейсон, акцентирует внимание на классовой структуре общества, маргинализации профсоюзов и левых социал-демократических движений в целом. Постдемократия, по Краучу, пессимистичная реальность, «в которой растет разрыв в доходах

между богатыми и бедными... а политики отзываются в первую очередь (во вторую и в третью тоже. – *А. К. и В. И.*) на запросы горстки вождей бизнеса, чьи особые интересы становятся содержанием публичной политики» [Крауч, 2010а, 39]. Следствием такой ситуации стала замкнутость политики на самой себе и ее нацеленность на связи с крупными экономическими агентами (корпорациями) в ущерб главной задаче ортодоксальной демократии – реализации интересов граждан через политические программы и действия. Принципиально изменить реальность невозможно, поэтому Крауч призывает научиться «работать с постдемократией, смягчая ее, совершенствуя и иногда бросая ей вызовы» [Крауч, 2010а, 27].

Достаточно наглядна схожесть рецептов Мейсона и Крауча: улучшение ситуации возможно через сетевую активизацию гражданских инициатив, в том числе международного характера. Последнему обстоятельству Крауч придает решающее значение. Однако и здесь мы имеем дело, скорее, с умозрительными построениями. Постдемократия Крауча основана на презумпции равносильной постнациональной политике, ограничивающей влияние экономических корпораций. Такая политика должна иметь международный характер, так как в рамках государств действия будут недостаточно эффективными. Он подчеркивает, что речь не идет о замене классических партий и формальных демократических процедур. Однако постдемократия может «стать важным источником новой энергии масс в системе, которую без этого полностью курировали бы политические и деловые элиты» [Крауч, 2010b].

Интересно, что кризис демократии констатируется и с другого полюса общественной системы – представителями международных финансовых институтов. В этой связи приведем еще одно свидетельство взаимосвязи экономики и политики в их кризисных контекстах. Ранее мы обратили внимание на растущий совокупный долг как ключевую макроэкономическую проблему современного мира. Директор департамента глобальных индикаторов Всемирного банка Аугусто Лопез-Кларос, как и цитируемый выше Петр Дуткевич, экстраполирует ситуацию на внутриполитические процессы, приобретающие антидемократический характер. Он подчеркивает, что уровень госдолга, который наблюдается сейчас в большинстве развитых стран, не только является тяжелым бременем для экономики, но и подрывает принципы демократии. Вне зависимости от того, какая партия приходит к власти, ее действия определены

внешней конъюнктурой, необходимостью занимать и перезанимать, искать возможности для (ре)финансирования долга. Политические процессы приобретают предсказуемые экономические императивы. Элиты стремятся удержаться у власти, их действия направлены на удержание финансовой системы от кризиса или дефолта. Долгосрочные стратегические задачи в таких условиях ни ставить, ни реализовать не имеет смысла [Аугусто Лопез-Кларос, 2012]. Добавим, что декларативные программы и долгосрочные стратегии как обязательное сопровождение политического процесса по-прежнему остаются в риторике власти и номенклатурном документообороте. Однако срок их жизни строго ограничивается длиной избирательных циклов. В условиях кризисной неопределенности и устранения подлинной демократии из политической реальности все большее значение приобретает феномен глобального популизма.

Популизм как кризисная псевдоидеология

Протесты по всему политическому спектру, от интернет-пиратства до альтерглобализма, поддержка радикальных движений, антиэлитные настроения по различным вопросам внешней и внутренней политики часто описываются как восход популизма. На это собирательное псевдоидеологическое понятие возлагают ответственность за «Брексит», поражение мультикультурализма, «феномен Трампа» и деструкцию западного социально-политического поля в целом. Между тем политическая история XX в. знает примеры государственного «популизма сверху», как идеологии, сконструированной новыми авторитарными элитами, получившими власть. Наиболее известна Программа турецкой республиканской народной партии Мустафы Кемала (Ататюрка), в которую в 1923 г. популизм был включен как один из шести фундаментальных политических принципов, наряду с республиканизмом, этатизмом, секуляризмом, национализмом и революционаризмом [Политическая энциклопедия, с. 230].

Представляется верной точка зрения, согласно которой современный популизм можно рассматривать как следствие кризиса традиционных идеологий, в частности неолиберализма. Более того, сегодня ряд исследователей выводят популизм из маргинального поля на магистральные направления современной политики. При

этом именно постдемократия, отождествляемая с эрозией партий и медиатизацией политики, придает популизму его новый облик и скоростную динамику [Глухова, 2017, с. 53; *The Media and Neo-Populism...* 2003]. Исследователи справедливо отмечают, что на коммуникативно-вербальном уровне популизм своим успехом обязан демагогии как форме политического языка, не отличающейся на слух обывателя от демократического языка свободной агоры. Заметим, что важная характеристика демагогии состоит в том, что она превозносит мнение большинства, чтобы непосредственно перевести интересы победителей в закон, не тратя время на опосредование и компромиссы [Глухова, 2017, с. 51].

С определенной долей социально-политического обобщения популизм можно описать как псевдоидеологию, разделяющую общества на две антагонистические группы – «простой народ» и «коррупцированные элиты», напрочь забывшие о том, что политика должна выражать «генеральную волю» выбравшего их населения [Mudde, 2016, p. 24–25]. Напрашивается и другое определение, характеризующее популизм как феномен, сопровождающий кризис глобализации и демонстрирующий недоверие к элитам, утратившим чувство функционального и морального равновесия между государственной и транснациональной политикой.

Популизм стал удобной точкой зрения для людей, критически настроенных по отношению к абстрактным концепциям вроде посткапитализма и постдемократии. Он претендует, прежде всего, на способность идентифицировать волю народа (как первоисточника суверенитета), очищенную от закрытых элитарных махинаций и пропагандистских ухищрений. Популистские движения консолидируют электорат под лозунгами возвращения «исторической судьбы» и «былого величия» того или иного народа.

В европейском политическом поле новый импульс популизма связан с успехом крайне правой немецкой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) на выборах в немецкий бундестаг в сентябре 2017 г.¹ Расколос основу политической стабильности Германии – коалицию ХДС/ХСС и СДПГ, – итоги выборов поставили перед не-

¹ Это не сенсация, а устойчивый тренд последних двух лет, хорошо известный германистам. На региональных парламентских выборах в марте 2016 г. АдГ закрепились в ландтагах сразу трех земель, составив серьезную конкуренцию традиционным партиям.

мецким обществом серьезные вызовы. Эксперты опасаются, что прорыв партии АдГ на национальный парламентский уровень может способствовать институционализации коалиции правопопулистских партий в Европарламенте. Традиционная политическая теория критически относится к популизму, отказывая ему в характеристиках классических идеологий, имеющих целостные нормативные структуры, историю, тексты, написанные их основоположникам. Общественные группы, являющиеся реципиентами популизма, крайне мозаичны даже в границах региона, не говоря о странах и интеграционных объединениях. Апеллируя к понятию «воли народа», популисты наделяют сам народ избранными на свое усмотрение смыслами, производными от политической конъюнктуры. Автор глубокого компаративного обзора теоретических подходов к популизму, научный сотрудник Цюрихского университета Криста Дейвикс, отмечает: «Популизм отрицает на практике действительную сложность различных социальных групп, требуя свести все несходства внутри групп и между группами к одному всеобъемлющему различию. Все прочие черты действующих внутри общества групп объявляются по умолчанию несуществующими или, по крайней мере, несущественными...» [Дейвикс, 2012].

Политическая практика показывает также, что популизм имеет свойства редуцировать и вульгаризировать практически любые идеологии и общественные движения, упрощая и декодируя свойственные им ценности. Российский политолог Глеб Мусихин замечает, что популизм не может обрести собственную комплексную субъектность, постоянно пользуясь концептуальной сердцевиной других идеологий [Мусихин, 2013, с. 168]. В свою очередь, Петр Дуткевич выделяет феномен «люмпен-либерализма», использующего популистские методы в период политических кампаний и немедленно забывающего об обещаниях сразу после выборов [Дуткевич, 2006].

Научные дебаты о кризисе послевоенных идеологий начались на Западе с середины прошлого столетия. Такие авторы, как Дэниел Белл, Сеймур Мартин Липсет, Эдвард Шилз и позже Френсис Фукуяма выдвинули ряд теорий, слившихся в полифонический реквием по глобальным идеологиям. Наибольшую известность получила хрестоматийная работа Дэниела Белла «Конец идеологии: об исходе политических идей в 50-е годы» [Bell, 1960]. После распада социалистических систем в конце 1980-х ожидае-

мый многими взлет западных идеологий на высоту «мировых политических религий» не состоялся. Напротив, четче обозначилось их смысловое нивелирование, снижение мобилизационного потенциала, утрата нормативных и когнитивных функций. Збигнев Бжезинский в лекции в Джорджтаунском университете в 1990 г. резюмировал это следующим образом: «Демократия победила. Система свободного рынка победила. Но что сегодня является содержанием наших убеждений? Чему сейчас на нашем демократическом Западе действительно предан человек? Гедонистическому релятивизму? Нет абсолютов, нет приверженностей... Я думаю, эта пустота, эта потенциальная, если еще не реальная пустота становится опасной» [цит. по: Капустин, 1998, с. 218]. Четверть века спустя содержанием убеждений все большего числа людей становится именно популизм, многократно усиленный современными средствами коммуникации.

Наряду с вопросами политического суверенитета главными смыслами современного популизма стал известный набор негативных эффектов экономической глобализации. Социологическая статистика «первого мира» фиксирует сегодня не только пассивные форсайты мрачных экономических перспектив для себя и будущих поколений, но и усиление отрицательного мнения по поводу «естественных выгод» глобализации – свободы торговли и трудовой миграции. В ноябре 2016 г. социологическая компания YouGov / Economist представила результаты исследования, согласно которому больше половины американцев, британцев и французов назвали глобализацию скорее отрицательным (*force for bad*), а не положительным явлением [см.: International survey... 2016]. В Великобритании опросы показали, что даже привилегированные граждане, процветающие в открытой глобальной системе, голосовали за «Брексит», считая, что выход из ЕС позволит им «больше контролировать свою жизнь», устранив, по крайней мере, одну из систем наднационального контроля, находящуюся в Брюсселе [Hu, Spence, 2017, p. 59]. Британцы отказались понять собственное правительство, которое за последние десятилетия попало в зависимость от директив Еврокомиссии, что зачастую означало подчинение интересам франко-германского дуэта. Другими словами, большинство граждан предпочли остаться один на один с собственным правительством, не допустив в эти отношения европейскую бюрократию. Политический обозреватель *Financial Times*

Гидеон Рахман так прокомментировал напряженное начало переговоров между Лондоном и Брюсселем по условиям «Брексита»: «Очевидно, европейцы не знают историю и природу британцев. Страна, победившая испанскую армаду, Гитлера, Кайзера, Наполеона, не имеет оснований бояться бюрократов в Брюсселе или правительства Мальты или Словакии» [Rachman, 2017].

Очевидные причины популизма часто связывают с внешними миграционными вызовами и коренными изменениями социальных структур европейских обществ. Однако есть и глубинные аспекты, связанные все с тем же фундаментальным кризисом демократии. Кас Мюдди, эксперт центра по исследованию экстремизма при университете Осло, вглядывается в ситуацию более пристально. Он связывает рост популизма с тенденцией исключения из реальной политики народного участия таких вопросов, как иммиграция, неолиберальная экономика и европейская интеграция. Для того чтобы остановить взлет популизма, политические деятели должны *реполитизировать* эти важнейшие вопросы XXI в., вернув их обратно в сферу «прямой демократии» [Mudde, 2016, p. 30].

Еще один аспект усиления европейского популизма связан с избранием 45-го президента США Д. Трампа. Как известно, ряд европейских маргинальных политиков крайне правого толка выразили идеологическую солидарность с его взглядами по вопросам иммиграции и безопасности. Ирония состоит в том, что эти политики, набирающие популярность в ЕС, играют против собственного континента. В глобальной перспективе Европа, политически ослабленная и фрагментированная популистскими идеями, является идеальным субъектом влияния со стороны США. Слабость ЕС позволит Вашингтону навязывать Брюсселю выгодные для себя форматы трансатлантических отношений, прежде всего в их политических и экономических измерениях.

В любом случае, мы имеем дело с принципиально новым явлением, требующим пристального междисциплинарного изучения, устраняющего концептуальную путаницу вокруг популизма. Популизм, действуя в логике прямой оппозиции к власти и произвольно обращаясь с аксиоматикой суверенитета, не способен к всестороннему анализу и ответам на усложняющиеся вопросы современности. Его мозаичная природа, зачастую искусственно выращенная на причудливом синтезе идей, не способствует консолидации обществ для решения глобальных проблем современности. Особенно в парадигме

устойчивого развития. Более того, нарастающая динамика популизма содержит опасность ренессанса авторитарных и неонацистских доктрин, разделяющих мир на фрагментарные оппозиционные пространства, отвергающие стратегии наднационального компромисса.

Интеграционные системы как фактор устойчивого развития – начало диалога в ООН

Интеграционные процессы, охватившие практически весь мир, стали имманентной составляющей процесса глобализации. В то же время не менее очевиден и синхронный процесс многомерного расщепления мира по экономическим и политическим критериям. Регионализация планеты стала характерной категорией современной политической науки. Выход США из Транстихоокеанского партнерства, кризис другого партнерства – Трансатлантического, пересмотр торговой модели НАФТА, сопровождающиеся впечатляющим ростом протекционизма, дают основания значительному количеству исследователей интерпретировать эти факты как единые звенья одной цепи, свидетельствующие о нарастании процесса. Все же, по мнению авторов, наметившиеся процессы «агрессивной регионализации» не станут долгосрочными императивами. Эти явления носят, скорее, не объективный, а персональный характер, производный от амбиций лидеров ряда государств, претендующих на макрополитический масштаб своих действий. Однако историческая логика современных процессов намного сложнее. Интеграцию и регионализацию правомерно рассматривать не как противоположные, но диалектически взаимодополняемые процессы, формирующие планетарную динамику глобализации.

В условиях кризиса и растущего уровня непредсказуемости все более актуальным становится вопрос о жизнеспособности уже сформированных интеграционных систем. Нуждается в дальнейших исследованиях их потенциальное влияние на стабилизацию мирового политического пространства [Изотов, 2016]. Представляет интерес феномен политической и экономической гибкости в условиях конфронтационной геополитической конъюнктуры. Показательно в этой связи обновление опыта Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – реинтеграционной системы, созданной в 2015 г. Происхо-

дит оформление наднационального внешнеэкономического суверенитета, характеризующего потенциал и конкурентоспособность интеграционных систем. За последние два года был открыт или продолжен процесс переговоров с Венгрией, Грецией, Индией, Индонезией, Ираном, Кубой, Монголией, Перу, Камбоджей, Республикой Корея, Таиландом, Фарерскими островами, Чили. С большинством из этих стран подписаны Меморандумы о взаимопонимании, являющиеся первым шагом в поэтапном движении к конечной цели – созданию зон свободной торговли. С Сингапуром соглашение о ЗСТ планируется подписать до конца 2017 г. Активизировалась стратегия активного институционального взаимодействия с западными экономическими блоками. Подписаны Меморандумы о взаимопонимании между ЕАЭС и Центральноамериканской интеграционной системой (ЦАИС), а также Андским сообществом. При этом объективность анализа требует отметить очевидный факт: внешнеэкономическая активность ЕАЭС во многом отражает диверсификацию геополитической стратегии России как центра притяжения постсоветской интеграционной системы [Буторина, 2016, с. 28–32].

Показательна корреляция успеха интеграционных систем с перспективами глобального устойчивого развития. Традиционно постсоветская интеграция рассматривается как естественный ответ не только на мировую рецессию 2008–2009 гг., но и на кризис глобального управления и соответствующих концепций устойчивого развития. Однако последние события показывают намечающиеся стратегии сочетания глобального управления и региональной интеграции на уровне ООН. В июле 2017 г. в штаб-квартире организации в Нью-Йорке был представлен доклад ЕАЭС о достижении целей устойчивого развития (ЦУР). ЕАЭС стал первой интеграционной системой, представившей повестку внутреннего устойчивого развития для публичного обсуждения на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию Экономического и Социального Совета ООН (ЭКСОС). Напомним, что Форум является многосторонним механизмом ООН для дискуссий в рамках концепции по устойчивому развитию (Повестка 2030), принятой на Саммите ООН в сентябре 2015 г. О возможностях реализации ЦУР на региональном уровне заявили и представители других интеграционных систем – ЕС, АСЕАН, КАРИКОМ, САДК, ЛАГ.

«Проблематика устойчивого развития прочно закрепилась в повестке ООН и на уровне национальных государств, – отметила в связи

с этим министр по интеграции и макроэкономике ЕЭК Татьяна Валова. – Региональные интеграционные объединения вносят дополнительный вклад в достижение государствами целей устойчивого развития. Это мы видим и на примере ЕАЭС» [В ООН представлен... 2017].

Таким образом, интеграционные процессы на региональных уровнях начинают работать на экономическую и политическую консолидацию планетарного пространства. Следующим логичным шагом должна стать скоординированная внешняя политика, направленная на поиск моделей устойчивого политического развития. Пока этот вопрос остается одним из самых болезненных для интеграционных систем. Степень внешнеполитического рассогласования велика как внутри ЕС, так и между странами ЕАЭС. Тем не менее, несмотря на объективные трудности, в ЕС общая внешняя политика окончательно институционализирована в рамках Лиссабонского договора и позже детально проработана на концептуальном уровне [Глобальная стратегия... 2017]. Напротив, о перспективах становления внешнеполитической субъектности ЕАЭС крайне невнятно говорится даже на экспертном уровне. Попытки прогнозирования пока ограничиваются эфемерными констатациями «запроса на согласование внешнеполитических... решений в той части, где они затрагивают интересы партнеров по Союзу» [Перспективы развития... 2017]. Отметим, что координация внешней политики, как на внутренних, так и на внешних контурах интеграционных систем становится важным условием, без которого невозможны ни перспективы устойчивого развития, ни тем более глобального управления. Дальнейший рост влияния интеграционных систем может сделать их выход в пространство политической власти вопросом ближайшего будущего. На наш взгляд, существует высокая вероятность, что эти процессы станут одной из значимых структурных характеристик нового миропорядка.

Некоторые итоги:

Многомерная среда для успеха устойчивого развития

Насколько оптимистичными могут быть перспективы устойчивого развития, обеспечиваемого посредством глобального регулирования в мире локальных конфликтов? Ответ на этот ключевой вопрос требует суммирования смыслов и выводов.

– Прежде всего, отметим, что устойчивое развитие находится под влиянием комплексных рисков, в том числе политического характера. Очевидна необходимость формирования благоприятной мировой политической среды, обеспечивающей поступательное движение к намеченным целям. С методологической точки зрения важно укрепить академическую интеграцию между такими дисциплинами, как мировая политика и международные отношения и теоретическими концепциями устойчивого развития в глобалистике и смежных гуманитарных дисциплинах.

– Практика показывает, что традиционная трехгранная модель устойчивого развития (экология – экономика – социальная сфера), разработанная 30 лет назад, уже не способна охватить всю сложность происходящего. В нее необходимо включить как минимум два компонента – политику и идеологию. Только в этом случае можно говорить о формировании многомерной среды для реализации жизнеспособной стратегии устойчивого развития.

– Концепции посткапитализма, как было показано, сохраняют размытые смыслы, не учитывая в достаточной степени политические факторы. Однако они фиксируют важное: изменения природы мировой экономики, связанные с развитием высоких технологий, коммуникационных систем и сетевых структур. Все это формирует принципиально новую среду, предчувствуемую исследователями, но пока недостаточно описанную. Именно в этой среде международным организациям и правительствам предстоит реализовывать стратегию устойчивого развития.

– Изменения должны произойти и в области политических и идеологических факторов. Взаимосвязанные кризисы среднего класса, демократии (в ее классическом понимании) и производных от нее идеологий препятствуют устойчивому развитию. Реализация глобальных стратегий в социально фрагментированных, деидеологизированных или инфинцированных популизмом, общественных системах, представляется нереалистичной.

– Кроме того, важно учитывать, что стратегии устойчивого развития разработаны и институционализированы в рамках ООН, организации, нуждающейся в серьезном реформировании. Прежде всего, с целью подключения к вопросам глобального регулирования развивающихся стран.

– Представляется также, что важным фактором станет дальнейшая экологизация политического и социального пространства,

обусловленная императивами выживания человечества. При этом основную функциональную нагрузку должны взять на себя не только агенты экологического глобального регулирования, но и сетевые неправительственные организации в рамках гражданского общества. Однако инициативы сверху имеют приоритетное значение. Очевидна необходимость создания адекватных регулятивных систем в области «зеленой энергетики», без которых любые передовые технологии не смогут распространиться по всему миру, включая регионы, особенно страдающие от экологических кризисов. Эти вопросы должны стать предметом особого внимания активно развивающихся научных дисциплин – политической глобалистики и экополитологии.

– Наконец, с высокой степенью определенности можно прогнозировать дальнейшее развитие интеграционных процессов, в результате которых наднациональные субъекты начнут выходить в область мировой политической власти. Их становление в период амбициозного роста будет сопровождаться высоким уровнем геополитической и экономической конкуренции. Именно в многополюсном мире интеграционных систем, в обновленных социально-экономических пространствах «посткапитализма» и «постдемократии» предстоит реализация судьбоносной для человечества стратегии устойчивого развития.

Список литературы

- Аугусто Лопез-Кларос.* Лекция в НИУ ВШЭ: «The Outlook for the Global Economy: The Path to Financial Stability and Sustainable Growth». – М., 2012. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/en/news/177671863.html> (Дата посещения 21.09.2017.)
- Буторина О.* Особенности евразийской модели экономической интеграции // Современная Европа. – М., 2016. – № 2 (68). – С. 28–32.
- Валлерстайн И.* После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 253 с.
- Глобалистика. Энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.
- Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности / European Union External Action Service. – Brussels, 2017. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf (Дата посещения: 7.10.2017.)
- Глухова А.* Популизм как политический феномен: Вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. – М., 2017. – № 4. – С. 49–68.
- Дейвикс К.* Популизм // Интернет-журнал «Гептер». – М., 2012. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/6800> – (Дата посещения: 12.10.2017.)

- Доклад ЕЭК о достижении целей устойчивого развития в регионе ЕАЭС / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2017. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-07-2017.aspx> (Дата посещения: 9.10.2017.)
- Дуткевич П.* Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: Несколько мыслей // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. – СПб., 2006. – № 4. – С. 39–46.
- Дуткевич П., Казаринова Д.* Конец эпохи глобализации: Причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – М., 2017. – № 1. – С. 7–14.
- Изотов В.* Интеграционные системы и проблемы политической стабильности: Поиск закономерностей и опыт прогнозирования // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – М., 2016. – № 4. – С. 7–27.
- Капустин Б.* Современность как предмет политической теории. – М.: РОССПЭН, 1998. – 308 с.
- Крауч К.* Постдемократический мир корпораций // Русский журнал. – М., 2010b. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Postdemokraticeskij-mir-korporacij>. (Дата посещения 20.08.2017.)
- Крауч К.* Постдемократия. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010a. – 192 с.
- Мейсон П.* Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. – М.: Ад Маргинем, 2016. – 416 с.
- Мусихин Г.* Очерки теории идеологий. – М.: ГУ-ВШЭ, 2013. – 288 с.
- Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Дело, 2011. – 232 с.
- Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году // Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам (РСМД). – М., 2017. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/perspektivy-razvitiya-proekta-eaes-k-2025-godu/> (Дата посещения 27.09.2017.)
- Пикетти Т.* «Капитал в XXI веке». – М.: Ад Маргинем, 2015. – 592 с.
- Политическая энциклопедия: В 2 т. / Т. 2. – М.: Мысль, 1999. – 701 с.
- Пятигорский А.* Непрерываемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 428 с.
- Спенс М.* Следующая конвергенция: Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – 336 с.
- Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. – М., 1996. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/9120> (Дата посещения 20.08.2017.)
- Backstrand K., Kronsell A., Soderholm P.* Organisation challenges to sustainable development // Environmental politics. – L., 1996. – N 2. Volume 5. – P. 31–42.
- Bell D.* The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the Fifties. – Illinois, Free Press, 1960. – 474 p.
- Blyth M.* Capitalism in crisis. What went wrong and what comes next // Foreign Affairs. – Florida, 2016. – Vol. 95, July-August. – P. 172–179.
- Blyth M.* Global Trumpism: Why Trump's victory was 30 years in the making and why it won't stop here. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-11-15/global-trumpism> (Дата посещения: 10.10.2017.)

- Crisis of democracy. Report on the governability of democracies to the trilateral commission. – Режим доступа: http://trilateral.org/download/doc/crisis_of_democracy.pdf (Дата посещения: 1.10.2017.)
- Dobbs K., Madgavkar A., Manyika J., Woetzel J., Bughin J., Labaye E., Kashyap P.* Poorer than their parents? A new perspective on income inequality (July 2016). – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/poorer-than-their-parents-a-new-perspective-on-income-inequality> (Дата посещения: 30.09.2017.)
- Freeland C.* Plutocrats: The rise of the new global super-rich and the fall of everyone else. – L.: Penguin Books, 2012. – 352 p.
- Fukuyama F.* The future of history. Can liberal democracy survive the decline of the middle class? // *Foreign Affairs*. – Florida, 2012. – Vol. 91, January-February. – P. 53–61.
- Hu F., Spence M.* Why globalization stalled: And how to restart It // *Foreign Affairs*. – Florida, 2017. – Vol. 96, July-August. – P. 54–63.
- International survey: Globalisation is still seen as a force for good in the world. – L., 2016. – Режим доступа: <https://today.yougov.com/news/2016/11/17/international-survey> (Дата посещения: 22.09.2017.)
- It's time to end extreme inequality / *Oxam International*. – Режим доступа: <https://oxfam/2t8dE8i> – L., 2016. – (Дата посещения: 12.09.2017.)
- Korotayev A.V.* Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis / A.V. Korotayev, S.V. Tsirel // *Structure and Dynamics*. – California 2010. – Vol. 4 (1). – P. 51–67.
- Lafferty W.* The politics of sustainable development: Global norms for national implementation // *Environmental politics*. – L., 1996. – N 2. Volume 5. – P. 56–62.
- Mudde Cas.* Europe's Populist Surge // *Foreign Affairs*. – Florida, 2016. – Vol. 95, November-December. – P. 25–30.
- Poverty headcount ratio at \$1.90 a day / *World Bank Open Data*. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.DDAY> (Дата посещения: 11.09.2017.)
- Rachman G.* Brexit and the slide into nationalism // *Financial times* 1.05.2017. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/8f169d1e-2bfd-11e7-bc4b-5528796fe35c> (Дата посещения: 22.08.2017.)
- Stiglitz J.* The price of inequality: How today's divided society endangers our future. – N.Y.: Norton & Company, 2012. – 449 p.
- The Media and Neo-Populism: A Contemporary Comparative Analysis* (ed. by Maz-zoleni G., Stewart J., Horsfield B.). – Westport.: Prager Group, 2003. – 272 p.
- Wallerstein I.* Le capitalisme touche à sa fin // *Le Monde* 16.12.2008. – Режим доступа: [http://www.lemonde.fr/la-crise-financiere/article/2008/12/16/le-capitalisme-touche-a-sa-fin_1105714_1101386.html?xtmc=wallerstein&xtcr=16] (Дата посещения: 11.10.2017.)
- Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*. – Florida, 1997. – Vol. 76, November-December. – P. 22–43.